

Зелетдинова Эльвира Анваровна

доктор политических наук, профессор
кафедры «Гуманитарные науки
и психология» Астраханского государственного
технического университета

Zeletdinova Elvira Anvarovna

D.Phil. in Political Science, Professor,
Humanitarian Sciences
and Psychology Department,
Astrakhan State Technical University

Дьякова Вера Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры «Гуманитарные науки
и психология» Астраханского государственного
технического университета

Diakova Vera Valerevna

PhD in Sociology Science, Associate
Professor, Humanitarian Sciences
and Psychology Department,
Astrakhan State Technical University

Руденко Максим Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гуманитарные науки
и психология» Астраханского государственного
технического университета

Rudenko Maksim Nikolaevich

PhD in Historical Science, Associate
Professor, Head of Humanitarian Sciences
and Psychology Department,
Astrakhan State Technical University

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна

кандидат философских наук, доцент
кафедры «Гуманитарные науки и психология»
Астраханского государственного
технического университета

Gainutdinova Ekaterina Valerevna

PhD in Philosophy Science, Associate
Professor, Humanitarian Sciences
and Psychology Department,
Astrakhan State Technical University

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА [1]**

**REGIONAL IDENTITY
IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL
ANALYSIS [1]**

Аннотация:

Целью статьи является анализ региональной идентичности через призму социологии. Предпринята попытка систематизации опыта изучения локальной идентичности современными зарубежными и отечественными исследователями. Уточнено определение региональной идентичности и выявлены ее основные элементы, факторы и условия формирования. Дана характеристика некоторым из элементов данного вида территориального самоотождествления – регион, региональная общность, «образ другого», региональное пространство, региональные элиты. Уточнены основные показатели региональной идентичности, которые используются в социологическом инструментарии (методы – массовые опросы, экспертные интервью, наблюдения). Рассмотрен вопрос соотношения общегражданской, этнической и региональной идентичностей. Сделан вывод об актуальности изучения региональной идентичности в условиях современного развития России и перспективности в рамках развития научного знания (как социологических, так и междисциплинарных исследований). Раскрыта эвристичность использования фрейм-анализа для исследования региональной идентичности.

Ключевые слова:

региональная идентичность, социология региона, регион, региональная общность, региональное пространство.

Summary:

The aim of the present study is to analyze regional identity from the viewpoint of sociology. The attempt to systematize the experience of studying local identity by modern foreign and national researchers has been made. Definitions of regional identity and its main elements, factors and conditions of formation are specified. Some elements of this type of territorial self-identification are characterized: region, regional community, 'image of the Other', regional space, regional elites. The main indicators of regional identity used in sociological tools (the applied methods are mass surveys, expert interviews, observations) are made more precise. The issue of a relation between civil, ethnic and regional identities is considered. The conclusion is made about the relevance of studying regional identity in the conditions of modern development of Russia and the prospects for the evolution of scientific knowledge (both sociological and interdisciplinary studies). Heuristic nature of using frame analysis in regional identity research is revealed.

Keywords:

regional identity, sociology of a region, region, regional community, regional space.

Среди множества идентичностей личности территориальная выступает одной из базовых. В условиях современного общественного развития локальное самоотождествление затруднено

в силу разных причин: глобализации, информатизации, осложнения внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов в некоторых странах, нестабильности международных отношений. Отдельно в рамках этих процессов стоит вопрос региональной идентификации, который является предметом изучения разных наук – политологии, географии, культурологии и социологии.

Феномен региональной идентичности включен в исследовательское поле ученых разных стран (Дж. Кобб [2], Р. Далримпл [3], М. Антониш [4] и др.). А. Пааси подчеркивает, что, во-первых, региональная идентичность не ограничивается конкретным региональным масштабом, во-вторых, анализ данного феномена возможен не только через изучение внутренних элементов и процессов (ландшафта, культуры, диалектов, стереотипных образов, фольклора, экономического развития, маргинализации, политической риторики и т. д.), но и особенностей «растяжения» идентичностей до нескольких пространственных масштабов в ответ на действие сил глобализации. Финский ученый также отмечает необходимость различения понятий «идентичность региона», т. е. особенностей природы, культуры и жителей, которые используются в дискурсах и классификациях науки, политики, культурного активизма, регионального маркетинга, государственного управления и районирования с целью выявления отличия одного региона от другого, и «региональная идентичность» (региональное сознание) как мультишкальное самоотождествление людей с институциональными практиками и символикой конкретного региона [5].

Г. Раагмаа определяет региональные идентичности как «ментальные» продукты взаимодействия обществ с их физическим и социальным пространством (средой) и ментальное отражение пространства в сознании и памяти людей. Позитивно настроенная и открытая региональная идентичность может рассматриваться как важный ресурс в растущем социальном капитале, привлекающем инвестиционный капитал, новых предпринимателей и людей в качестве налогоплательщиков, проживающих в регионе [6].

Некоторые ученые приходят к выводу, что, несмотря на довольно глубокий теоретический анализ идентичностей, а также наличие разработанных методологических подходов для их определения, измерения и оценки, перспективным является анализ с точки зрения трансграничной мобильности и функционирования приграничных регионов. В данном случае локальное самоотождествление выступает в качестве повседневных практик, которые хотя и характеризуются разной направленностью и наличием разногласий, но могут стать основой для повышения уровня согласованности населения [7].

В отечественной социологии нет единого подхода к определению категории «региональная идентичность». Однако большинство исследователей рассматривают данный феномен как осознаваемые и переживаемые ценности и смыслы конкретной локальной общности, формирующие самосознание группы или индивида.

Г.С. Корепанов предлагает изучать региональную идентичность через анализ следующих ее составляющих: социальный контекст (особенности межгрупповых контактов и межличностных связей, наличие социально значимых групп и их открытость), социальный порядок (социально-региональные роли, социальные ожидания, социальное поведение), социальную культуру (стереотипы, ценности, ориентации жителей) [8]. Е.В. Еремина подчеркивает многоаспектность социологического анализа региональной идентичности: символическое освоение пространства, региональная культура, базовые ценности региональной общности и др. [9].

Региональная идентичность рассматривается как вид социальной идентичности и, следовательно, подразумевает отождествление личности с конкретной социальной общностью. Вопрос о региональной общности, ее определении, типах, особенностях формирования исследовался не только в классических работах М. Вебера, Ф. Тенниса в рамках концепции социальной общности, но и трудах современных ученых. Так, в России повышению интереса к анализу данного феномена способствовали общественные трансформации, связанные с распадом СССР, установлением российского федерализма, централизацией власти и т. д.

А.В. Лубянов выделяет три типа региональных общностей. В качестве ключевого фактора формирования региональной общности он указывает для первого типа территорию и предлагает рассматривать ее через единство трех элементов: социальные нормы, определяющие характер коммуникации, ситуации, в рамках которых осуществляется взаимодействие индивидов, и поселенческая близость. Для второго типа основой региональной общности выступает духовное и этнокультурное единение, общность ценностей в условиях развития конкретной территории. Для третьего – квазикультурные региональные общности, формирующиеся в процессе конструирования культурных комплексов посредством легитимации социальных, культурных, экономических новаций и селекции существующих традиций [10].

Выделяют следующие факторы, оказывающие влияние на формирование региональной общности в процессе повседневной жизнедеятельности: прямого воздействия – через системные модули организации, внедренные в повседневные практики органов власти; опосредованного –

через целевые алгоритмы управления, как результат постоянного диалога между властью и населением; косвенного – через медиапотоки (массивы социально значимой информации) [11].

А.Ю. Завалишин для исследования территориального поведения региональной общности разработал методику анализа социально-экономического аспекта данного феномена. Предлагается изучать особенности территориального социально-экономического поведения в зависимости от осмысления территории как экономического ресурса (урбанное, руральное, экстракционное), пространства перемещения (транспортное, оседлое, миграционное), социокультурной ценности (космополитическое, патриотическое, местечковое) и с учетом циклов экономического развития конкретного региона (доаграрный, аграрный, переходный к индустриальному, индустриальный, постиндустриальный). В результате появляется возможность анализа территориального поведения региональной общности с учетом, во-первых, уникальных характеристик конкретного региона, во-вторых, в сравнении с другими регионами, в-третьих, принимая во внимание особенности представителей локальной общности, в том числе характер их региональной идентичности [12].

Л.П. Богданова выделяет четыре вида территориальных общностей: внутригородскую, сельское населенного пункта, города, региональную. Каждому уровню соответствует разное соотношение двух видов интересов, форм взаимодействия: экономических или социальных (межличностных). Для более низких, локальных общностей характерно преобладание социального содержания, для региональной общности – доминирование экономических интересов, направленных на расширение прав и возможностей использования и присвоения ресурсного потенциала территории, формирование отраслевой структуры занятости современного типа с целью достижения высокого качества жизни, повышение доходности экономики региона [13].

С точки зрения логики социологического исследования, в первую очередь, для этапа построения инструментария, у региональной идентичности есть четкая вербальная представленность социального отождествления: «Я – член территориальной общности» [14]. Именно этот индикатор не только является самым распространенным в рамках социальных практик индивида, но и самым часто используемым социологами при проведении количественных и качественных исследований.

Другой важной в рамках предпринятого анализа категорией является регион. Н.И. Лапин определяет регион как исторически сложившееся социокультурное территориальное сообщество и в качестве отличительного признака выделяет асимметричность развития, что подразумевает доминирование макросоциальных структур над первичными общностями. Под руководством этого ученого была разработана и апробирована методика «Социокультурный портрет региона», с помощью которой можно не только дать характеристику конкретному региону, но и провести компаративный анализ, основываясь на данных статистики, результатах социологических опросов, мониторинговых исследований, экспертных оценках [15].

Основными показателями развития регионов, согласно результатам массовых и экспертных опросов, являются: развитие предприятий, отношение федерального центра к региону, состояние энергетических ресурсов, уровень занятости населения, уровень и качество жизни, социально-политическая обстановка, демография, межбюджетные отношения с центром. Такие показатели, как инновационное развитие, специализация региона и его интеграция с другими территориальными образованиями, деятельность политических партий и их региональных отделений, по мнению респондентов, являются менее значимыми [16].

Важным фактором формирования региональной идентичности выступает история региона, которая интерпретируется и находит свое отражение в конкретных категориях: «великие люди» региона, памятники, ритуалы, особые памятные даты, топонимика и т. д. [17].

Несомненно, региональная идентификация характеризуется наличием нескольких уровней в зависимости от масштаба/«близости» территории: от крупных региональных структур (государство, макрорегион, федеральный округ) до локальной социальной общности (деревня, село, город, область, край). По мнению Е.В. Ереминой, формирование идентичности по этим уровням происходит по «матрешечному» принципу [18]. Г.С. Денисова и Л.В. Клименко выделяют следующие уровни региональной идентичности: микроуровень – поселенческий, характеризующийся наличием повседневных практик и коммуникаций; мезоуровень – субрегиональный, соотносительный с конкретной административно-территориальной единицей; макроуровень – связанный с широкой территориально-географической общностью, отличающийся наличием совместного опыта исторического развития, отстранением от повседневных практик [19]. В отечественных исследованиях под региональной идентичностью подразумевают чаще всего соотношение личности с социальной общностью конкретного административно-территориального образования – субъекта РФ.

И.В. Задорин в качестве отдельного объекта исследования выделяет приграничные регионы, территории особых социально-экономических условий, характеризующиеся интенсивной трансграничной коммуникацией, и называет их «фронтами». Исследование территориальной

идентичности населения фронтальных регионов предлагается проводить по следующим основаниям и соответствующим показателям: «укорененность» и миграционный потенциал («родился в регионе», «переехал в регион», «переехал бы в другой регион, другую страну», «жили ли в регионе предыдущие поколения родственников», «хотели бы, чтобы ваши дети/внуки жили в этом регионе»), территориальная идентичность, восприятие региона как «особого» (показатели уникальности региона, традиции, ритуалы, символы, конкурентные преимущества), «оборонное сознание» (вероятность угрозы военного нападения, чувство защищенности), открытость внешнему миру (трансграничная мобильность населения, потоки туристов, возможность влияния культуры других стран, экономическое взаимодействие с другими странами), представления о миссии региона и стратегии его развития (предпочтительный вариант развития региона: форпост, торговые ворота, технопарк, туристическая зона и т. д.), внутривластные настроения (уровень политической лояльности, удовлетворенность положением дел в стране, регионе, уровень доверия федеральной/региональной власти, оценка экономической ситуации, возможность расширения полномочий региона) [20]. Все вышеперечисленные показатели частично или в совокупности используются социологами для анализа региональной идентичности в России.

Не менее важной дефиницией в рамках предпринятого анализа является жизненное пространство региона. Г.Е. Зборовский под региональным социальным пространством подразумевает взаимодействие локальных социальных общностей в рамках конкретных территориальных, физических и географических условий [21].

Жизненное пространство как аспект региональной идентичности изучается по разным показателям: географическим (отдаленность, труднодоступность, малоосвоенность), климатическим, физическим, а также через различные аспекты жизнедеятельности региональной общности (уровень солидарности, уровень духовной близости, уровень осознания уникальности региона и т. д.). Используются не только данные, полученные в результате социологических замеров, но и статистические данные о регионе (уровень доходов населения, величина прожиточного минимума и т. д.) [22].

А.Ф. Филиппов, проводя исследования в рамках прикладной социологии пространства, разработал концептуальный каркас для наблюдения социального взаимодействия, в основе которого – две трихотомии: с одной стороны, основные интуиции пространства (как места, как места мест, как объемлющего пространства), с другой – величина пространства (интуиции пространства наблюдателя, нерелегируемое значение пространства для наблюдаемых, пространство как тема коммуникации наблюдаемых). В связи с этим важным для социологического метода осмысления пространства является следующий момент – наблюдение пространства чужого взаимодействия возможно только при условии, что наблюдатель идентифицировал себя как того, кто занимает место в пространстве. Именно это условие является необходимым для применения метода, только после его выполнения можно переходить к дальнейшим этапам наблюдения, в том числе построению практической схемы пространства участников взаимодействия [23].

Конструирование региональной идентичности происходит через сопоставление «мы – они». Осмысление «образа другого» происходит по следующим осям: как выбор отношения к нему и как объект сравнения, а также по уровням (другие страны, своя страна, столица, другие регионы) и темпоральным показателям (будущее, настоящее, прошлое) [24].

Важно упомянуть и о научной значимости анализа нескольких типов идентичностей, например, сравнения двух типов территориальных идентичностей: региональной и государственной.

Л.М. Дробужева приходит к выводу, что основанием государственно-гражданской идентичности выступает сопричастность стране как экономическому и социально-политическому целостному образованию, а региональная идентичность базируется на особенностях положения субъекта Российской Федерации как одного из многих, но имеющего свои отличительные характеристики [25]. Е.В. Ширманов определяет процесс взаимодействия региональной и общегосударственной идентичностей как «двусоставной» и предлагает следующие конфигурации: усиление – усиление, усиление – ослабление, ослабление – усиление. В общей структуре территориальной идентичности эти два типа составляющих детерминируют следующую вариацию: региональная является базисом эффективного усвоения национальных ценностей, идей и установок, а общегосударственная – обеспечения разрешительного характера выражения региональной специфики [26].

Другим, не менее разработанным направлением компаративного анализа является сопоставление региональной и этнической идентичностей, которые имеют разные основания и механизмы развития. Если рассматривать темпоральный аспект, то этническая идентичность в отличие от региональной выступает относительно новым социальным конструктом [27].

Соотношение трех видов идентичностей – общегосударственной, региональной и этнической – важный показатель при анализе общественных процессов. Стабильность характеризуется преобладанием национального самоощущения, а доминирование локальной или этнической

идентификации свидетельствует об ослаблении или кризисе. В то же время характер сосуществования этих трех видов идентичностей подразумевает не только конкуренцию, но и взаимодополнение. Так, в период кризисной ситуации на рубеже XX–XXI вв. характерной чертой самоопределения россиян было противопоставление гражданского и этнического компонентов [28]. Анализ результатов исследований последних лет позволяет говорить о превалировании гражданской составляющей, а региональная и этническая составляющие в процессе самоотождествления населения с гражданской общностью выступают не как поддерживающие, а как не конкурирующие между собой [29].

При разработке социологического инструментария для анализа этих трех видов идентичностей используются следующие показатели: иерархия идентичностей, представления о «хорошей, счастливой жизни», солидарности, основе консолидации, важные ценности и ориентации, особенности формирования общегражданской нации, оценка межнационального согласия, открытость индивида к контактам с жителями региона/страны, представителями своего/другого этноса и др.

В структуре региональной идентичности выделяют объективный и субъективный компоненты. Субъективный элемент представляет собой самоотождествление индивида, осознание своих когнитивных механизмов и интересов, формирование межличностных связей, уровень функционирования коллективного регионального сознания. Объективная составляющая подразумевает акцентирование на объединении людей по локальному принципу для демонстрации региональных интересов и ценностей, в процессе дискурсивных практик, ритуалов сообщество обретает политическую и социально-экономическую субъектность. В рамках анализа субъективной и объективной сторон региональной идентичности и их взаимодействия актуальным становится вопрос регионального интереса. В данном случае территорию можно рассматривать не просто как сферу жизнедеятельности сообщества, а в более узком плане, сосредоточив исследовательское внимание на региональных элитах. Важным условием реализации материальных и духовных потребностей локальной элиты может выступать борьба за политический статус региона, несомненно, в рамках процесса формирования и функционирования региональной идентичности [30].

В.А. Ачкасов определяет процесс формирования региональной идентичности как мотивированную политическую деятельность, прежде всего, региональных элит с целью конструирования политического пространства посредством внедрения в массовое сознание региональных образов и символов (как вновь созданных, так и вычлененных старых) [31]. В.В. Маркин, подчеркивая самоорганизующийся и спонтанный характер региональной идентичности, предлагает изучать процесс социального моделирования, который придает идентичности структурированность, качественную определенность, формализованность. Социальное моделирование региона подразумевает построение региональной структуры и взаимодействие социальных акторов в рамках конкретного регионального пространства [32].

Нами были проведены замеры региональной идентичности в Астраханской области в разные годы (метод исследования – опрос; выборка – многоступенчатая, квотная; 1999 г.: $N = 568$; 2005 г.: $N = 681$; 2011 г.: $N = 711$; 2018 г.: $N = 723$; возраст респондентов – 18–75 лет, статистическая погрешность в среднем не превышает 3,1 %). Этот регион является приграничным, поликонфессиональным и многонациональным субъектом РФ, имеющим свою многовековую историю, традиции, обычаи.

Согласно результатам социологических опросов, у жителей области сформирована региональная идентичность. При ответе на вопрос: «Кем вы считаете себя в первую очередь?» – они могут выбрать вариант локального самоотождествления «я – астраханец» или же другой вариант. В конце двадцатого столетия шесть из десяти опрошенных выбирали этот тип идентичности, в 2005 г. – 28 %, в 2011 г. – 19 %, в 2018 г. – 21 %. Сформированность региональной идентичности у жителей российских субъектов была не раз подтверждена в рамках эмпирических исследований, например, в проектах под руководством М.П. Крылова [33], Т.Н. Кувеневой, А.Г. Манакова [34].

При оценке регионального пространства астраханцы (согласно опросу 2018 г.) выделяют как положительные, так и отрицательные стороны: они могут гордиться своей малой родиной (73 %), им комфортно жить в регионе (60 %), каждый может удовлетворить свои интересы (57 %), однако, по их мнению, представители региональной власти не помогают своим людям (60 %), отсутствует эффективное управление региональной экономикой (62 %).

При оценке ситуации в регионе по сравнению с другими субъектами РФ («образ другого») количество респондентов, дающих положительные оценки, сократилось (варианты «лучше, чем ...» / «такая же хорошая, как в других регионах» в сумме выбрали 70 % в 2011 г. и 56 % в 2018 г.), в то время как процент считающих, что ситуация ухудшается, становится больше (варианты «хуже, чем ...» / «такая же плохая, как в других регионах» в сумме выбрали 32 % в 2011 г. и 42 % в 2018 г.). Оценка региона и его привлекательности является важным показателем, используемым социологами для анализа различных сторон общественной жизни, управления регионом, социальной и

экономической обстановки, протестных настроений и др., в качестве примера можно привести работы Н.А. Окуловой, Т.С. Соловьевой, А.А. Шабуновой [35], Н.В. Яковенко, А.В. Молодцева [36].

Сравнительный анализ данных исследований разных лет позволяет проследить динамику соотношения двух видов идентичностей – государственной и региональной – от превалирования локальной идентичности до доминирования общегражданской. Так, вариант «я – россиянин» в 1999 г. выбрали 12 % астраханцев, в 2005 г. – 45 %, в 2011 г. – 54 %, в 2018 г. – 57 %. Эти данные подтверждают общероссийскую тенденцию, отмеченную как в работах отдельных ученых [37], так и в результатах мониторинговых замеров федеральных исследовательских компаний [38].

Распределение ответов респондентов о локальном (2005 г. – 28 %, в 2011 г. – 19 %, в 2018 г. – 21 %) и этническом (в 2005 г. – 25 %, в 2011 г. – 16 %, в 2018 г. – 18 %) самоотождествлении позволяет сделать вывод об отсутствии преобладающего типа идентичности. Такие показатели характерны для регионов, отличающихся полиэтничным и многоконфессиональным составом [39].

Согласно результатам исследования 2018 г., уровень доверия региональной власти был значительно ниже, чем федеральной. Так, Президенту РФ доверяет 66 % респондентов, губернатору Астраханской области – 27 %; Правительству РФ – 43 %, правительству Астраханской области – 19 %; Государственной Думе РФ – 30 %, думе Астраханской области – 21 %. Низкий уровень доверия областной власти может затруднять процессы консолидации населения, эффективного развития региона [40].

Анализ научных работ о региональной идентичности позволяет сделать выводы об основных направлениях изучения данного феномена, определить систему показателей, а также наметить варианты расширения исследовательского инструментария. Эвристичным представляется применение фрейм-анализа [41]. Классические идеи И. Гофмана [42] о фреймах, которые одновременно являются и «схемами интерпретаций», и «матрицей возможных событий» [43], сегодня находят новое прочтение, в том числе применительно к анализу разных видов идентичностей. Следует отметить работы Ф. Антиаса [44], В. Сахарин, Ф. Ли, Р. Гонзалеза [45], К. Эверингам, Г. Хидинга, Л. Коннор [46] и др.

В отечественной социологии фрейм-анализ разрабатывается главным образом в рамках социологии повседневности. По мнению В.С. Вахштайна, использование концепции фреймов при изучении повседневного мира позволяет рассмотреть те свойства, которые ранее были вне поля зрения исследователей: соответствие знаковых и материальных ценностей, вопрос о тождестве воспринимаемых событий и схем их восприятия, репрезентивность контекстов повседневных взаимодействий [47]. В работах В.И. Немчиной проводится анализ идентичностей как индивидуальных [48], так и групповых [49] через призму теории фреймов. По нашему мнению, использование категории «фреймы» для анализа региональной идентификации позволит более четко определить процесс формирования и воспроизводства локальных идентификационных стратегий, расширить возможности научного анализа через изучение смысловых рамок, которые позволяют определять и воспринимать жизненное пространство человеческого существования и социального взаимодействия в рамках конкретного региона.

Таким образом, на современном этапе развития российского государства региональная идентичность выступает одним из ключевых показателей консолидации и солидарности населения страны. В социологии региональную идентичность рассматривают как один из типов социального самоотождествления личности или группы. В отечественной науке накоплен опыт анализа данного феномена, его основных компонентов, условий и факторов воспроизводства и развития. Анализ основных подходов к разработке методологии и построению инструментария позволяет систематизировать имеющийся опыт научного осмысления, выработать новые направления исследований, например, используя основы фрейм-анализа, провести компаративный и мониторинговый анализ, причем как в рамках собственно социологического исследования, так и междисциплинарных разработок.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00479 «Фреймы формирования и воспроизводства региональной идентичности».
2. Cobb J.C. The Most Southern Place on Earth: The Mississippi Delta and the Roots of Regional Identity. N. Y., 1994. 391 p.
3. Dalrymple R. Continental Drift: Australia's Search for a Regional Identity. L., 2018. 250 p. <https://doi.org/10.4324/9781315191959>.
4. Antonsich M. Exploring the Correspondence between Regional Forms of Governance and Regional Identity: The Case of Western Europe // *European Urban and Regional Studies*. 2010. Vol. 17, no. 3. P. 261–276. <https://doi.org/10.1177/0969776410365784>.
5. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, no. 4. P. 475–485. <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>.
6. Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // *European Planning Studies*. 2002. Vol. 10, no. 1. P. 55–76. <https://doi.org/10.1080/09654310120099263>.

7. Prokkola E.K., Zimmerbauer K., Jakola F. Performance of Regional Identity in the Implementation of European Cross-border Initiatives // *European Urban and Regional Studies*. 2015. Vol. 22, no. 1. P. 104–117. <https://doi.org/10.1177/0969776412465629>.
8. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как объект социологического исследования // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2009. № 1. С. 16–23.
9. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // *Регионоведение*. 2011. № 3 (76). С. 216–222.
10. Лубянов А.В. Региональная общность как объект социологического анализа // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2014. № 1(33). С. 60–69.
11. Золина Г.Д. Регион как социальная общность в медиакommunikативном измерении // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 244–248.
12. Завалишин А.Ю. Исследование территориального поведения региональной общности в социологии // *Региональные проблемы*. 2010. Т. 13, № 1. С. 105–110.
13. Богданова Л.П., Щукина А.С. Территориальные интересы общностей разных иерархических уровней // *Территориальные интересы: сборник научных трудов / под ред. А.А. Ткаченко*. Тверь, 1999. С. 32–55.
14. Корепанов Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 276–284.
15. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // *Социологические исследования*. 2010. № 7. С. 28–38.
16. Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // *Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков*. М., 2008. Вып. 7. С. 229–249.
17. Волкогонова О.Д., Белоусов С.О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // *Россия и современный мир*. 2009. № 1. С. 49–62.
18. Еремина Е.В. Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации // *Регионоведение*. 2012. № 2 (79). С. 149–155.
19. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*. 2013. № 7. С. 25–34.
20. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // *Полития: журнал политической философии и социологии политики*. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
21. Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // *Социум и власть*. 2010. № 4 (28). С. 11–20.
22. Корепанов Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы. С. 282.
23. Филиппов А. Прикладная социология пространства // *Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8, № 3. С. 3–15.
24. Казакова Г.М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2008. № 6 (27). С. 16–20.
25. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // *Социологические исследования*. 2017. № 1. С. 26–36.
26. Ширманов Е.В. Региональная идентичность как фактор политического процесса // *Регионоведение*. 2015. № 3 (92). С. 14–21.
27. Исмагилов Н.Н. Проблема региональной идентичности в российском социокультурном пространстве // *География и природные ресурсы*. 2009. № 3. С. 129–134.
28. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Указ. соч. С. 26.
29. Дьякова В.В. Социальная идентичность населения Астраханской области: гражданский и региональный компоненты // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. № 12. С. 51–53.
30. Богданова Л.П., Щукина А.С. Указ. соч.
31. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Электронный ресурс] // *Политэкс*. 2005. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30> (дата обращения: 24.12.2019).
32. Маркин В.В. Указ. соч. С. 239.
33. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // *Социологические исследования*. 2005. № 3. С. 13–23.
34. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // *Социологические исследования*. 2003. № 7. С. 77–84.
35. Окулова Н.А., Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Привлекательность региона в оценках населения // *Проблемы развития территории*. 2009. № 1 (45). С. 62–72.
36. Яковенко Н.В., Молодцева А.В. Оценка общественного мнения жителей Ивановской области по социально-экономическим и экологическим аспектам качества урбозокреды региона [Электронный ресурс] // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8567> (дата обращения: 24.12.2019).
37. Дробижева Л.М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23226689> (дата обращения: 24.12.2019).
38. Дьяков О.Ю. Социологический анализ гражданской идентичности и патриотизма опыт федеральных и региональных исследований // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2018. № 2 (66). С. 123–128. <https://doi.org/10.24143/1812-9498-2018-2-123-128>.
39. Митрохина Т.Н., Шайдуллоев А.А. Политическое проектирование: некоторые аспекты проблемы проектирования гражданской идентичности в современной России // *Власть*. 2018. Том. 26, № 5. С. 52–58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5821>.
40. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Многоуровневая идентичность населения Юга России: соотношение общероссийского, регионального и этнического компонентов // *Российский академический журнал*. 2011. Т. 18, № 4. С. 17–24.
41. Фрейм-анализ реальности и проблема идентичности / Э.А. Зелетдинова, М.Н. Руденко, Е.В. Гайнутдинова, В.В. Дьякова // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 10. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.10.1>.
42. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge (Mass.), 1974. 586 p.
43. Вахштайн В. Памяти Ирвинга Гофмана // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6, № 2. С. 65–78.
44. Anthias F. Thinking through the Lens of Translocational Positionality: An Intersectionality Frame for Understanding Identity and Belonging // *Translocations: Migration and Social Change*. 2008. Vol. 4, no. 1. P. 5–20.
45. Sacharin V., Lee F., Gonzalez R. Identities in Harmony: Gender-Work Identity Integration Moderates Frame Switching in Cognitive Processing // *Psychology of Women*. 2009. Vol. 33, no. 3. P. 275–284. <https://doi.org/10.1177/03616843093300303>.
46. Everingham C.R., Heading G., Connor L. Couples' Experiences of Postnatal Depression: A Framing Analysis of Cultural Identity, Gender and Communication // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62, no. 7. P. 1745–1756. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.039>.

47. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011. 334 с.
48. Немчина В.И. Идентичность индивида в социальных интернет-практиках // *Философия права*. 2017. № 1 (80). С. 128–132.
49. Немчина В.И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 7. С. 78–83.

References:

- Achkasov, VA 2005, 'Regional Identity in the Russian Political Space: 'Kaliningrad Special Case'', *Politeks*, no. 1, viewed 24 December 2019, <<http://www.politex.info/content/view/90/30>>, (in Russian).
- Anthias, F 2008, 'Thinking through the Lens of Translocational Positionality: An Intersectionality Frame for Understanding Identity and Belonging', *Translocations: Migration and Social Change*, vol. 4, no. 1. pp. 5-20.
- Antonsich, M 2010, 'Exploring the Correspondence between Regional Forms of Governance and Regional Identity: The Case of Western Europe', *European Urban and Regional Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 261-276, <https://doi.org/10.1177/0969776410365784>.
- Bogdanova, LP & Shchukina AS 1999, 'Territorial Interests of Communities of Different Hierarchical Levels', in AA Tkachenko (ed.), *Territorial'nye interesy: sbornik nauchnykh trudov*, Tver, pp. 32-55, (in Russian).
- Cobb, JC 1994, *The Most Southern Place on Earth: The Mississippi Delta and the Roots of Regional Identity*, New York, 391 p.
- Dalrymple, R 2018, *Continental Drift: Australia's Search for a Regional Identity*, London, 250 p., <https://doi.org/10.4324/9781315191959>.
- Denisova, GS & Klimenko, LV 2011, 'The Multilevel Identity of the South of Russia Population: the Ratio of National, Regional and Ethnic components', *Rossiiskii akademicheskii zhurnal*, vol. 18, no. 4, pp. 17-24, (in Russian).
- Denisova, GS & Klimenko LV 2013, 'The Regional Identity Features of the South of Russia Population', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 25-34, (in Russian).
- Diakov, OYu 2018, 'Sociological Analysis of Civic Identity and Patriotism: Experience of the Federal and Regional Studies', *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 2 (66), pp. 123-128, <https://doi.org/10.24143/1812-9498-2018-2-123-128>, (in Russian).
- Diakova, VV 2016, 'Social Identity of the Astrakhan Region Population: Civil and Regional Components', *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 12, pp. 51-53, (in Russian).
- Drobizheva, LM 2014, *Theoretical Problems of Studying the Civil Identity and the Social Practice*, viewed 24 December 2019, <<https://elibrary.ru/item.asp?id=23226689>>, (in Russian).
- Drobizheva, LM 2017, 'All-Russian Identity and Interethnic Accord as a Reflection of the Consolidation Processes in Russian Society', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 26-36, (in Russian).
- Eremina, EV 2011, 'Regional Identity in the Context of Sociological Analysis', *Regionologiya*, no. 3 (76), pp. 216-222, (in Russian).
- Eremina, EV 2012, 'Social Identity: Problems of Regional Identification', *Regionologiya*, no. 2 (79), pp. 149-155, (in Russian).
- Everingham, CR, Heading, G & Connor, L 2006, 'Couples' Experiences of Postnatal Depression: A Framing Analysis of Cultural Identity, Gender and Communication', *Social Science & Medicine*, vol. 62, no. 7, pp. 1745-1756, <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.039>.
- Filippov, A 2009, 'The Applied Sociology of Space', *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 8, no. 3, pp. 3-15, (in Russian).
- Goffman, E 1974, *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, Cambridge (Mass.), 586 p.
- Ismagilov, NN 2009, 'The Problem of Regional Identity in Russian Socio-cultural Space', *Geografiya i prirodnye resursy*, no. 3. pp. 129-134, (in Russian).
- Kazakova, GM 2008, 'Russian Regional Identity: Modern Cultural Discourse', *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 6 (27), pp. 16-20, (in Russian).
- Korepanov, GS 2009, 'Regional Identity as an Object of Sociological Research', *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, no. 1, pp. 16-23, (in Russian).
- Korepanov, GS 2009, 'Regional Identity: Socio-cultural and Socio-economic Approaches', *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (65), pp. 276-284, (in Russian).
- Krylov, MP 2005, 'Regional Identity in the Historical Core of European Russia', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 13-23, (in Russian).
- Kuveneva, TN & Manakov, AG 2003, 'Spatial Identity Formation in a Close-to-border Area', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 77-84, (in Russian).
- Lapin, NI 2010, 'New Issues in Regional Communities Studies', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 28-38, (in Russian).
- Lubyaynov, AV 2014, 'Regional Community as the Object of Sociological Analysis', *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*, no. 1 (33), pp. 60-69, (in Russian).
- Markin, VV 2008, 'Regional Sociology: Problems of Social Identification and Modeling of Russian Regions', in MK Gorshkov (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*, Moscow, issue 7, pp. 229-249, (in Russian).
- Mitrokhina, TN & Shaidulloev, AA 2018, 'Political Design: Some Aspects of the Problem of Designing Civil Identity in Modern Russia', *Vlast'*, vol. 26, no. 5, pp. 52-58, <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5821>, (in Russian).
- Nemchina, VI 2013, 'Reproduction Frames of Collective Identities', *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 7, pp. 78-83, (in Russian).
- Nemchina, VI 2017, 'Identity of an Individual in Social Internet-practices', *Filosofiya prava*, no. 1 (80), pp. 128-132, (in Russian).
- Okulova, NA, Solovyeva, TS & Shabunova, AA 2009, 'The Region Attractiveness in Population Estimation', *Problemy razvitiya territorii*, no. 1 (45), pp. 62-72, (in Russian).
- Paasi, A 2003, 'Region and Place: Regional Identity in Question', *Progress in Human Geography*, vol. 27, no. 4, pp. 475-485, <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>.
- Prokkola, EK, Zimmerbauer, K & Jakola, F 2015, 'Performance of Regional Identity in the Implementation of European Cross-border Initiatives', *European Urban and Regional Studies*, vol. 22, no. 1, pp. 104-117, <https://doi.org/10.1177/0969776412465629>.
- Raagmaa, G 2002, 'Regional Identity in Regional Development and Planning', *European Planning Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 55-76, <https://doi.org/10.1080/09654310120099263>.
- Sacharin, V, Lee, F & Gonzalez, R 2009, 'Identities in Harmony: Gender-Work Identity Integration Moderates Frame Switching in Cognitive Processing', *Psychology of Women*, vol. 33, no. 3, pp. 275-284, <https://doi.org/10.1177/036168430903300303>.
- Shirmanov, EV 2015, 'Regional Identity as the Factor of Political Process', *Regionologiya*, no. 3 (92), pp. 14-21, (in Russian).
- Vakhshain, VS 2007, 'In Memoriam Erving Goffman', *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 6, No. 2, pp. 65-78, (in Russian).
- Vakhshain, VS 2011, *Sociology of Everyday Life and Frame Theory*, Saint Petersburg, 334 p., (in Russian).
- Volkogonova, OD & Belousov SO 2009, 'The Phenomenon of Regional Identity as a Factor in the Political Process in Russia', *Rossiya i sovremenniy mir*, no. 1, pp. 49-62, (in Russian).

Yakovenko, NV & Molodtseva, AV 2013, 'Public Opinion Assessment of Ivanovo Region Residents on Socio-economic and Environmental Aspects of the Region's Urban Environment Quality', *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 1, viewed 24 December 2019, < <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8567>>, (in Russian).

Zadorin, IV 2018, 'Frontier Regions: Territorial Identity and Perception of 'Specialness'', *Politiya: zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki*, no. 2 (89), pp. 102-136, (in Russian).

Zavalishin, AYu 2010, 'Study of the Territorial Behaviour of a Regional Community in Sociology', *Regional'nye problemy*, vol. 13, no. 1, pp. 105-110, (in Russian).

Zborovskii, GE 2010, 'Regional Social Space as a Sociological Phenomenon', *Sotsium i vlast'*, no. 4 (28), pp. 11-20, (in Russian).

Zeletdinova, EA, Rudenko, MN, Gainutdinova EV & Dyakova VV 2019, 'Frame Analysis of Reality and the Problem of Identity', *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 10, <https://doi.org/10.24158/fik.2019.10.1>, (in Russian).

Zolina, GD 2014, 'Region as a Social Community in the Media Communication Dimension', *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 2 (140), pp. 244-248, (in Russian).

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна